

Библиографический список

1. Александров Д.Г. Пенсионная система в России: проблемы, перспективы. СПб., 2020.
2. Григорьянц Г.Н. Социальная защита населения в России: становление и развитие. М., 2018.
3. Радонова А.В. Проблемные аспекты развития социальной политики Алтайского региона в первой половине 1990-х годов // Известия АлтГУ. Серия «История и археология». 2019. № 3.
4. Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / Под ред. К.М. Ярской. М., 2019.
5. Юдин В.П. Социальная защита: понятие, сущность, границы. Казань, 2018.
6. Аверин А. Н. Государственная система социальной защиты населения. М., 2017.

Е.А. Сулова

Автономный статус Великого княжества Финляндского в составе Российской империи

Уникальность Российской империи XIX – XX вв. как государства с полиэтничным составом населения проявлялась в многообразии subsystem политико-правового управления в целом ряде регионов. На фоне многочисленных примеров разнообразия региональных политико-правовых систем наиболее отчетливо выделяется Великое княжество Финляндское, особенности статуса которого после присоединения к Российской империи были закреплены в пожалованной Александром I конституции и ряде более поздних по времени манифестов и указов, предоставлявших княжеству достаточно широкую автономию. Поэтому особый интерес представляет дарованная финскому народу конституция, которая служила фундаментом самостоятельного государственно-правового статуса региона.

Сразу после присоединения Финляндии к России правящий император заявил о гарантиях сохранения «древних установлений, стране свойственных», подтверждая их в

коронной речи на сейме в Борго. «Призванный промыслом управлять добрым и честным народом, – говорил Александр I, – я пожелал соединить вокруг себя, его представителей. Я пожелал вас видеть затем, чтобы дать вам новое доказательство моих намерений, клонящихся ко благу вашего отечества. Я обещал ненарушимо сохранить вашу конституцию, ваши основные законы. Ваше собрание послужит обеспечением моего обещания» [4, с. 69].

Содержание речи свидетельствует о том, что император принял решение сохранить действовавшую ранее на присоединенной территории шведскую конституцию. «Вы увидите, как я думаю об этом там, – обещал он генералу Амфельду в 1811 г., – где возможно произвести в моем государстве соответственное изменение, так как я присоединю к княжеству старую Финляндию и дам ей ту же конституцию и ту же форму свободы» [4, с. 70].

В данном случае имелись в виду финские земли, которые были завоеваны прежде и уже включены в общий состав российских губерний. В связи с этим возникает вопрос: почему дарование финляндскому княжеству конституционных гарантий большинство исследователей считает заслугой Александра I?

Дело в том, что еще с 1809 г. в Петербурге действовал комитет во главе с М.М. Сперанским, который специально занимался изучением шведского законодательства и адаптацией части содержащихся в нем законов к правовой системе Российской империи для того, чтобы в дальнейшем приспособить их к предназначенной для Финляндского княжества октроированной конституции. К 1813 г. комитетом был составлен альтернативный проект финской конституции, однако силы самостоятельного акта он так и не получил. Воспрепятствовала этому, скорее всего, последующая опала Сперанского и его вынужденная отставка, а о содержании проекта ничего выяснить не удалось.

Согласно же действовавшей конституции власть российского монарха ограничивалась законосовещательным органом народного представительства – Сеймом. Однако император сохранял за собой право выступать с законодательной инициативой и мог без согласия депутатов издавать любые

постановления, имеющие силу закона, если они не вступали в противоречие с компетенциями представителей сословий финского общества. Внутренним управлением края занимался Сенат, но под контролем генерал-губернатора, являвшегося «связующим звеном» между имперским центром и провинцией и лично отчитывающегося перед императором. Сенат ведал и «высшим правосудием». При этом его полномочия субъекта высшей региональной судебной власти по своему устройству и принципам функционирования воспроизводились согласно традиционному шведскому образцу.

Нельзя не упомянуть и о том, что всем сословиям Финляндского княжества фактически гарантировались основные гражданские права. Подданные империи в провинции могли пользоваться личной свободой (крепостное право уже давно не действовало на его территории), свободой вероисповедания, правом на жизнь, честь и поземельную собственность и не могли быть лишены этих прав, кроме как по решению суда [2].

Что же касается особенностей государственно-правового статуса Финляндии в составе Российской империи, то наиболее полно массив нормативных актов, имеющих прямое отношение к данной теме, на мой взгляд, систематизирован С.Б. Баландиным. Автор выделяет основные особенности, подчеркивающие автономию княжества (причем рамки самоуправления в нем были дополнительно расширены впоследствии уже Александром II). Законодательные акты, издаваемые верховной властью в отношении Великого княжества Финляндского, публиковались в сборнике Великого княжества Финляндского и не включались в Полное собрание законов Российской Империи. Русский язык, ранее всегда обязательный для изучения, признавался ненужным, несмотря на то, что являлся государственным языком империи, при этом был отдан приоритет изучению финского языка. С момента присоединения на территории княжества функционировали собственные системы законодательства, гражданства, налогообложения, административная, а при Александре II сформировались финансовая, таможенная и железнодорожная системы. В 1869 г. утвержден Сеймовый Устав, определивший

периодичность созыва Сейма и предоставлявший значительные полномочия его членам в области местного законодательства (до этого момента Сейм созывался только по желанию императора). В 1878 г. было получено разрешение иметь собственную армию, которая могла быть использована за пределами княжества в исключительных случаях. Финляндское законодательство за все время пребывания в составе Российской Империи не было кодифицировано, а четкое разграничение предметов ведения между центром и регионом прописано только в указе Николая II в 1910 г. [1].

В самом начале XIX в. представители российской правящей элиты уже смогли понять, что дальнейшая централизация системы государственного управления в империи таит в себе опасность, поскольку административный аппарат становился все более громоздким и неэффективным. «Страна слишком огромна, – справедливо заметил С.Р. Воронцов,– чтобы государь, будь он хоть вторым Петром Великим, мог все делать сам при существующей форме правления без конституции, без твердых законов, без несменяемых и независимых судов» [3, с. 41–42].

Как известно разработки конституции велись «молодыми друзьями» Александра I и не только, собственные проекты предлагали некоторые вельможи екатерининского времени (Г.Р. Державин, Н.С. Мордвинов). Несмотря на то, что идеи федерализма были чрезмерно либеральными для России начала XIX в., среди разработчиков нашлись и сторонники данной формы государственного устройства, которые тоже считали ненужным дальнейшее расширение границ. Например, Чарторыйский заявлял: «Прочная федеративная система дает империи – центру этой системы – больше силы и больше гарантий безопасности, чем расширение границ» [3, с. 46]. В свою очередь, Сперанский, являясь приверженцем бюрократического централизма, видел государственное устройство таким образом: «Державная власть соединяет в себе законодательную, судную и исполнительную и приводит их в действие посредством государственных сословий, для сего установленных. Сословия сии суть: в общем соединении всех государственных сил – Государственный совет, в порядке

законодательном – Государственная дума, в порядке судном Сенат, в порядке управления – Министерства» [3, с. 44]. Однако закладывание в основу государственного устройства принципа разделения властей, на мой взгляд, создает почву для эволюции империи в федерацию.

Тем более, что теоретические разработки в этом направлении активно велись в различных кругах российской общественности как при Александре I, так и позднее. Один из первых проектов преобразования Российской империи в федерацию был разработан декабристом Н.М. Муравьевым. Во второй половине XIX в. их количество увеличилось, а среди высшего чиновничества быстро росло число сторонников идей федерализма. Н.А. Орлов даже представил свой проект Александру II, но тот предпочел проигнорировать его, хотя, как уже было представлено на примере Великого княжества Финляндского, благоволил автономии национальных окраин и, казалось бы, собирался завершить дело своего предшественника – даровать народу конституцию. А к концу 80-х гг. XIX в. верховная власть начала проводить политику унификации национальных окраин, негативно отразившуюся на их взаимоотношениях.

Таким образом, сам собой напрашивается вывод: Александром I были созданы условия, при которых Российская империя имела возможность эволюционировать в федерацию, но данная возможность была упущена из-за непоследовательной политики правительства в отношении национальных окраин государства и нежелания приемников ограничить собственную власть.

Библиографический список

1. Баландин С.Б. Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в составе Российской Империи. М., 2012.
2. Дамешек И.Л. Управление окраинами в Российской империи (Закавказье и Финляндия в первой половине XIX века). Иркутск, 2003. №1.

3. Красняков Н.И. Эволюция политико-правовых подходов к сохранению государственного единства Российской империи (XVIII – начало XX вв.). Омск, 2014. №4.

4. Якушкин В.Е. Государственная власть и проекты государственной реформы в России. СПб., 1906.

Г.В. Савенцев

Гонка вооружений США и Китая в контексте геополитической борьбы в Евразии

Евразия является уникальным географическим пространством с обилием природных ресурсов, наличием древних богатых культур и колоссальными перспективами развития. В современных условиях ведущими геополитическими акторами на евразийском пространстве являются Россия, Китай и США. Мы остановимся более подробно на противостоянии Китая и США в рамках их двустороннего соперничества, последствия которого оказывают влияние и на Россию.

Соперничество стран является многовекторным, включает множество сфер – экономическую, военную, политическую, технологическую и т.д. В данном случае, сделаем акцент на усилении военной мощи двух стран, которое может спровоцировать гонку вооружений и рост напряженности на евразийском континенте. Для того, чтобы определить характер отношений США и Китая, обратимся к Стратегии национальной безопасности США, принятой в 2017 г., которая поможет понять новое видение Америкой мировой политики и американскую стратегию на евразийском пространстве.

В своей доктрине США признают существование многополярного мира, но подчёркивают, что США будут способствовать поддержанию «баланса сил в пользу США, наших союзников и наших партнёров». Другой важной особенностью является то, что отношения с Россией и Китаем трактуются в парадигме конкуренции, соперничества и соревнования. Такая трактовка не ведет к конфронтации, конфликту. Главное для Америки – «успешно конкурировать»,